

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ СТАНЦИИ 1920-Х ГГ.: К ИСТОРИИ СТАЦИОНАРНОГО МЕТОДА В СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Станислав Сергеевич Петряшин

Российский этнографический музей
4/1 Инженерная ул., Санкт-Петербург, Россия
s.petryashin@ethnomuseum.ru

А н н о т а ц и я : В статье рассматривается история этнологических станций в контексте влияния естественных наук на становление стационарного метода в советской этнографии 1920-х гг. Исследование призвано дополнить доминирующий в историографии нарратив, согласно которому история стационарного метода в ранней советской этнографии сводится к истории ленинградской школы этнографии Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза. Идеи создания этнологических станций сформировались в германской и российской науке в последней трети XIX — начале XX в. под влиянием примеров успешной работы биологических и метеорологических станций. Эти идеи, однако, приобрели популярность и были отчасти реализованы только в 1920-е гг. В проектах советских этнографов и фольклористов станции увязывались со стационарными исследованиями и привлечением к полевой работе краеведов. На примерах Верхневолжской экспедиции Д.А. Золотарева и его проекта создания пяти этнографических станций при Этнографическом отделе Русского музея раскрываются сложные и противоречивые отношения между центральными и местными институтами. Неравенство в финансовом, научном и организационном отношении крайне затрудняло привлечение краеведов к стационарной работе и созданию этнографических станций. Анализ работы этнологических станций, созданных по инициативе Поволжских научных обществ, показывает существенные различия между представлениями столичных этнографов и местных краеведов. Последние по-разному понимали стационарный метод и нередко отдавали предпочтение другим методам сбора материалов по культуре крестьян и горожан.

К л ю ч е в ы е с л о в а : этнологические станции, Д.А. Золотарев, краеведение, стационарный метод, советская этнография.

Д л я с с ы л о к : Петряшин С. Этнологические станции 1920-х гг.: к истории стационарного метода в советской этнографии // Антропологический форум. 2025. № 67. С. 28–58.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-28-58

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/petriashin.pdf>

ETHNOLOGICAL STATIONS OF THE 1920S: TOWARDS A HISTORY OF THE STATIONARY METHOD IN SOVIET ETHNOGRAPHY

Stanislav Petriashin

The Russian Museum of Ethnography
4/1 Inzhenernaya Str., St Petersburg, Russia
s.petryashin@ethnomuseum.ru

Abstract: The paper examines the history of ethnological stations in the context of the influence of the natural sciences on the development of the stationary method in Soviet ethnography of the 1920s. The study is intended to complement the dominant narrative in historiography, according to which the history of the stationary method in early Soviet ethnography is reduced to the history of the “Leningrad school of ethnography” of L. Ya. Sternberg and V. G. Bogoras. The ideas behind creating ethnological stations were formed in the last third of the 19th — early 20th centuries in German and Russian science under the influence of examples of successful work of biological and meteorological stations. These ideas, however, gained popularity and were partly implemented only in the 1920s. In the projects of some Soviet ethnographers and folklorists, stations were linked with stationary research and the involvement of local students in field work. The complex and contradictory relationships between central and local institutions are revealed using the examples of the Upper Volga expedition of D. A. Zolotarev and his project to create five ethnographic stations at the Ethnographic Department of the Russian Museum. Inequality in financial, scientific and organisational terms made it extremely difficult to attract specialists in local studies to stationary work and to set up ethnographic stations. An analysis of the work of ethnological stations founded by the Volga scientific societies shows significant differences between the ideas of ethnographers from the capital and those of local specialists in regional studies. The latter understood the stationary method differently and often preferred other methods of collecting materials on the culture of peasants and townspeople.

Key words: ethnological stations, D. A. Zolotarev, local studies, stationary method, Soviet ethnography.

To cite: Petriashin S., ‘Etnologicheskie stantsii 1920-kh gg.: k istorii statsionarnogo metoda v sovetskoy etnografii’ [Ethnological Stations of the 1920s: Towards a History of the Stationary Method in Soviet Ethnography], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 67, pp. 28–58.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-28-58

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/petriashin.pdf>

Станислав Петряшин

Этнологические станции 1920-х гг.: к истории стационарного метода в советской этнографии

В статье рассматривается история этнологических станций в контексте влияния естественных наук на становление стационарного метода в советской этнографии 1920-х гг. Исследование призвано дополнить доминирующий в историографии нарратив, согласно которому история стационарного метода в ранней советской этнографии сводится к истории ленинградской школы этнографии Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза. Идеи создания этнологических станций сформировались в германской и российской науке в последней трети XIX — начале XX в. под влиянием примеров успешной работы биологических и метеорологических станций. Эти идеи, однако, приобрели популярность и были отчасти реализованы только в 1920-е гг. В проектах советских этнографов и фольклористов станции увязывались со стационарными исследованиями и привлечением к полевой работе краеведов. На примерах Верхневолжской экспедиции Д.А. Золотарева и его проекта создания пяти этнографических станций при Этнографическом отделе Русского музея раскрываются сложные и противоречивые отношения между центральными и местными институциями. Неравенство в финансовом, научном и организационном отношении крайне затрудняло привлечение краеведов к стационарной работе и созданию этнографических станций. Анализ работы этнологических станций, созданных по инициативе Поволжских научных обществ, показывает существенные различия между представлениями столичных этнографов и местных краеведов. Последние по-разному понимали стационарный метод и нередко отдавали предпочтение другим методам сбора материалов по культуре крестьян и горожан.

Ключевые слова: этнологические станции, Д.А. Золотарев, краеведение, стационарный метод, советская этнография.

В январе 1923 г. Давид Алексеевич Золотарев, известный петроградский этнограф и физический антрополог, предложил на утверждение Совета Государственного Русского музея «Положение об этнографических станциях Русского Музея». Согласно проекту, планировалось организовать пять этнографических станций, четыре из которых закреплялись за отделениями Этнографического отдела музея (далее — ЭО ГРМ): этнографии великорусов и финнов, народов Украины и Белоруссии, Кавказа и Туркестана, Сибири и Дальнего Востока. Работа пятой станции должна была зависеть «от потребностей всего Отдела» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 128. Л. 1]. В этнографических станциях Золотарев видел аналоги биологических станций, призванные стационарно исследовать быт населения России и собирать этнографические коллекции. К работе на станциях предполагалось привлекать «местные силы» — краеведов. Проект нельзя считать успешным, реализован он был лишь отчасти. Но он интересен как отправная точка для рассмотрения истории этнологических станций и стационарного метода в советской этнографии.

Станислав Сергеевич Петряшин
Российский
этнографический музей,
Санкт-Петербург, Россия
s.petryashin@ethnomuseum.ru

В 1920-е гг. в этнографии не было общепринятого определения стационарного метода. Тем не менее можно обобщить разные мнения и сказать, что под ним обычно понималось относительно длительное и систематическое полевое изучение определенного региона в противоположность методу экспедиционному. В историографии становление стационарного метода в ранне-советской этнографии устойчиво ассоциируется с монументальными фигурами основателей ленинградской школы этнографии Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза [Токарев 1958; Громов 1966; Козьмин 1994; Арзютов, Кан 2013; Вахтин, Лярская 2024]. История стационарного «поля» будет более сложной и нюансированной, если заострить внимание на других активных популяризаторах и практиках стационарного метода в российской и советской этнографии — московских, ленинградских, региональных. Это позволит отойти от устоявшегося в историографии противопоставления этнографов Ленинграда и Москвы как сторонников соответственно стационарного и экспедиционного методов [Алымов, Решетов 2003: 254–256; Алымов, Арзютов 2014: 58–63; Сирина 2019: 206].

В статье показано, что противопоставление должно идти скорее по линии разграничения двух концепций стационарного метода в советской этнографии 1920-х гг. Первая («профессиональная») продвигалась представителями ленинградской школы этнографии и подразумевала, что стационарное исследование должен осуществлять профессионально подготовленный этнограф (см. подробнее: [Вахтин, Лярская 2024]). Участие любителей не поощрялось. Так, Штернберг довольно резко писал, что «местные исследователи работают без всякой научной подготовки и огромное большинство их работ является просто научным хламом» [Ратнер-Штернберг 1935: 140]. Важно отметить, что Штернберг и Богораз сами начинали свой путь в этнографии именно как любители — ссыльные революционеры, волею судеб занесенные на поселение в Сибирь. В своем понимании полевой работы они исходили из опыта ссылки, на который позже наследились характерные для этнографии, антропологии и смежных наук того времени представления о полевой работе.

Вторая концепция («краеведческая») разделялась широкими кругами ленинградских и московских этнографов и предполагала выполнение стационарных исследований силами местных жителей — краеведов. Данный подход продвигался в основном исследователями, получившими этнографическое образование в столичных — петербургских и московских — университетах и занимавшихся этнографией преимущественно русских и финно-угорских народов европейской части СССР (Д.А. Золотарев, Б.М. и Ю.М. Соколовы, В.В. Богданов, С.П. Толстов, Н.М. Маторин и др.). Ряд сторонников «краеведческой» концеп-

ции предлагали этнологические станции как одну из форм институционализации работы краеведов.

Понятие этнологической станции здесь используется в расширительном толковании и отсылает к разным исследовательским станциям народоведческой направленности: «этнографическим», «фольклорным», «музыкально-этнографическим» и собственно «этнологическим». Такое расширительное значение объясняется тем, что в 1920-е гг. понятие этнологии зачастую кроме этнографии включало физическую антропологию, фольклористику и лингвистику.

В первом разделе рассматривается развитие идеи этнологических станций в последней трети XIX — начале XX в. в российской науке под влиянием естественных наук (прежде всего биологии и географии). Второй раздел демонстрирует сцепление идей этнологических станций, стационарных исследований и краеведческого движения в проектах ученых в 1920-е гг. В третьем и четвертом разделах изучается взаимодействие центральных и местных этнографических институций на петроградском / ленинградском примере Верхневолжской экспедиции Золотарева и тесно связанного с ним проекта организации пяти этнографических станций при ЭО ГРМ. Пятый раздел раскрывает практики полевой работы этнологических станций, созданных по инициативе региональных научных обществ.

От естественных наук к этнологии: идеи и проекты станций в 1870–1910-е гг.

Самое раннее упоминание этнологической станции удалось найти во вступительной речи германского и британского лингвиста и востоковеда М. Мюллера (1823–1900) к Международному конгрессу востоковедов, состоявшемуся в Лондоне 14–21 сентября 1874 г. Мюллер с благодарностью писал об отзывчивости колониальных властей Британии, готовых помочь с исследованиями в области языкознания и этнологии. «Все что требуется — это поддержка из дома и немного систематического руководства» [Müller 1876: 196]. Особо он отметил лингвиста и этнолога В. Блика¹ (1827–1875), хранителя Южно-Африканской публичной библиотеки в Кейптауне: «Доктор Блик <...> очень обеспокоен тем, чтобы в Кейпе была создана постоянная лингвистическая и этнологическая станция; фактически, чтобы к каждой зоологической станции был прикреплен лингвист» [Ibid.]. Мюллер, в отличие от Блика, предлагал развивать лингвистику и этнологию на основе миссионерских постов.

¹ Вильгельм Блик (Wilhelm Bleek) известен классическими исследованиями языка и фольклора бушменов.

Блик решил опереться на зоологические станции неслучайно. Он был близок со своим двоюродным братом — известным биологом Э. Геккелем, для которого собирал в Кейптауне местные образцы морской фауны [Thornton 2014: 99]. Кроме того, зоологические станции давали возможность длительной полевой работы, необходимой для изучения языка и культуры местного населения.

Биологические станции стали массово возникать в Европе (в том числе в России) в 1870-е гг. и были своеобразными институтами, в которых соединялись в разных пропорциях лабораторные и полевые практики научной работы [Kohler 2002]. Сотрудники станций занимались исследованиями, организовывали сбор и пересылку образцов животных и растений в городские лаборатории, предоставляли необходимую инфраструктуру для проведения лабораторных исследований на месте, научных и учебных экспедиций. Полевая составляющая проявлялась, однако, и в том, что на станциях изучались флора и фауна ограниченного региона, в отличие от университетских и музейных лабораторий, дававших более широкую сравнительную перспективу. Региональная специализация станций подталкивала их сотрудников к разработке программ длительного экологического изучения живых существ. Для многих основателей биологических станций исследовательское «поле» было не только и не столько местом собирания образцов для музеев и лабораторий, сколько местом долговременного изучения организмов в их естественной среде обитания, где и происходят, согласно Дарвину, «борьба за существование» и «естественный отбор» [de Bont 2015: 11]. Продолжительная полевая работа на станциях была также необходима для прикладных исследований, посвященных животноводству и рыболовству.

Важен был и социальный контекст. Биологические станции рубежа XIX–XX вв. были более «демократичными» институтами по сравнению с университетами и музеями. Они активно подключали к своей работе (например, наблюдению за птицами или добычанию образцов животных) местных рыбаков, охотников, школьных учителей и пр. [de Bont 2015: 203]. Организаторами станций выступали исследователи, занимавшие периферийное положение в академической иерархии, или, реже, любители. В целом биологическая станция к рубежу XIX–XX вв. была гибкой и успешной формой организации науки, располагавшей не только к лабораторной работе со «свежим» местным материалом, но и к длительным наблюдениям и новаторскому экологическому подходу. Неудивительно, что представители других дисциплин, в частности этнографии и антропологии, стали видеть в биологических станциях образец для институционального развития полевых исследований.

В русской этнографии идея создания исследовательских станций по образцу таковых в естественных науках была впервые высказана А.Н. Пыпиным в 1885 г.: «Некогда, лет двадцать пять тому назад, мне случилось беседовать с известным немецким мифологом и этнографом Маннгардтом¹. <...> он мечтал об основании — по всем главным странам — наблюдательных пунктов, которые, на подобие физических или астрономических обсерваторий, могли бы собирать и сообщать местные этнографические данные по вопросам, возникающим у исследователей. В самом деле, такие наблюдательные пункты уже устраиваются для целей естествознания; и если существуют метеорологические обсерватории, “зоологические” и “биологические станции”, то почему не были бы возможны станции антропологические и этнографические?» [Пыпин 1885: 497–498]. В качестве станций, по мысли исследователя, могли бы выступать региональные отделения Русского географического общества (далее — РГО), земские статистические комитеты, областные музеи. Отметим, что этнографические станции у Пыпина уподобляются не только биологическим, но и метеорологическим станциям.

Похожие мысли высказывали позже и другие авторитетные этнографы Российской империи. Например, Д.А. Клеменц полагал, что если для развития метеорологии требуется сеть метеорологических станций, то и для развития этнографии надо «иметь агентов, работников в разных захолустьях, в дальних уголках, нужны местные собиратели материалов» [Клеменц 1893: 14]. Детальное исследование страны, как он считал, невозможно осуществить посредством одних ученых экспедиций и «экскурсий» — нужны «исследования на месте, стационарные» [Там же]. Для организации таких работ, по мысли Клеменца, следовало основывать провинциальные общества любителей наук и областные музеи. Аналогичное сравнение с метеорологическими станциями проводил Д.Н. Анучин, говоря о необходимости привлечения общественности для сбора уже физико-антропологических данных по всей России [Анучин 1902: 72].

Повторяющиеся отсылки к метеорологическим станциям неслучайны. Последняя треть XIX в. была временем реформирования метеорологической сети Российской империи и многократного увеличения количества станций [Бедрицкий и др. 1997: 262–267]. Институционально это выражалось в том числе в бурном развитии местных метеорологических сетей. Значительная часть наблюдателей состояла из представителей

¹ Вильгельм Маннгардт (Wilhelm Mannhardt, 1831–1880) — немецкий этнолог и фольклорист, исследователь европейской мифологии. См. подробнее о нем и его международном проекте по собиранию материалов по мифологии: [Шейн 1890].

региональной интеллигенции, работавших добровольно, «без всякого вознаграждения, единственно из любви к науке и к своей стране» [Бедрицкий и др. 1997: 244].

Приведенные выше цитаты из работ Пыпина, Клеменца и Анучина позволяют увидеть, как идея создания исследовательских станций в области этнографии и антропологии по образцу естественных наук органично входила в проект «изучения всего разнообразия природных, культурных и экономических особенностей путем сплошного порайонного изучения территории России силами самоорганизующейся общественности на местах» [Лоскутова 2011: 103]. Используемые сравнения с метеорологическими станциями подчеркивали широкий географический охват предполагаемых исследований, важность организации наряду с экспедициями стационарных работ, привлечение к ним местной общественности и сопоставимость наблюдений, сделанных в рамках общей программы.

Эффективность научных станций для этнографического изучения отдельных регионов подтверждала деятельность известного петербургского исследователя А.В. Журавского (1882–1914). Будучи студентом естественного разряда физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, он основал в 1905 г. зоологическую станцию в селе Усть-Цильма (с 1906 г. — «естественноисторическая», с 1910 г. — «сельскохозяйственная»). Станция была создана при поддержке Академии наук для стационарного и комплексного изучения Печорско-Мезенского края в биогеографическом отношении. При создании Печорской станции Журавский ориентировался на успешный опыт работы Соловецкой (1881–1899) и Мурманской (1899–1929) биологических станций Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей [Кочедыкова, Рощевская 2016].

После основания станции исследователь большую часть года проводил в Усть-Цильме и Печорском крае. Станция стала базой для множества комплексных экспедиций, направленных на изучение географии и геологии, флоры и фауны, археологии и этнографии Печорского края. В сборе научных материалов Журавскому помогали как четыре сотрудника станции, так и сеть корреспондентов на местах. Этнографические коллекции в основном поступали в столичные музеи (Кунсткамеру, ЭО ГРМ), но частично оставались на станции для организации областного музея. В этнографическом отношении исследовались ненцы, коми-ижемцы, коми-зыряне и русские староверы [Терюков 2008]. Наблюдения над жизнью местного населения нашли отражение также в ряде научных и публицистических работ Журавского. После его трагической смерти в 1914 г. работы в области этнографии на станции не велись.

Этнологические станции и краеведение в проектах этнографов Москвы в 1920-е гг.

Научный проект сплошного изучения территории России при помощи общественности на местах оказался созвучен планам большевиков по модернизации страны на основе научных исследований. Его географическая составляющая хорошо согласовывалась с политическим запросом на экспертизу в сфере национально-территориального размежевания, а опора на местную интеллигенцию — с требованиями демократизации науки и коренизации. Следующее поколение этнографов продолжило развивать этот проект в новых условиях. Бурное развитие краеведческого движения и его одобрение со стороны властей позволяло этнографам надеяться на реализацию амбициозных планов. Идея организации этнологических станций также не потеряла актуальности, так как подпитывалась процессами восстановления старых и создания новых исследовательских станций в разных отраслях советского естествознания 1920-х гг.

Благожелательно к идее исследовательских станций относился один из лидеров московской этнографии В.В. Богданов (1868–1949). В 1918 г. от имени Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии он выезжал в Сухуми для организации научной станции по изучению природы и населения Черноморского побережья Кавказа [Керимова 2017: 107–108]. Материалы Первого этнологического совещания по Центрально-промышленной области (далее — ЦПО), прошедшего в марте 1926 г. в возглавляемом Богдановым Музее ЦПО, показывают его интерес к организации стационарных исследований и этнографических станций. Например, в резолюции по докладу Н.И. Лебедевой об этнографическом изучении Калужского Полесья решили «поднять вопрос о создании Этнологической Станции при Музее Ц.П.О.» в соответствующем регионе [Богданов, Толстов 1927: 47].

Видные представители московской фольклористики и этнографии братья Соколовы также выступали за организацию стационарных исследований и этнографических станций. В частности, Ю.М. Соколов (1889–1941) в своем выступлении на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в 1921 г. предложил создавать фольклорные станции. С его точки зрения, они были необходимы, «чтобы длительная работа производилась изо дня в день над всеми изменениями, которые так быстро чередуются в народной поэзии и быте» [Соколов 1923: 110]. Соколов полагал, что революционная эпоха сопровождается быстрой сменой «художественных форм» и зафиксировать текучую современность можно только при

помощи стационарных наблюдений. Такого рода исследование, по его мысли, требовало участия краеведческих обществ.

В руководстве для собирания фольклора, написанном Юрием Матвеевичем вместе с братом Борисом (1889–1930) для краеведов и студентов, стационарный метод определялся как «способ исследования интересующих явлений в течение продолжительного времени в одном и том же месте» [Соколов, Соколов 1926: 26]. По их мнению, этот метод больше всего подходил именно для краеведческой работы в родном для исследователя регионе. Стационарное исследование, согласно Соколовым, позволяет изучать «эволюцию поэтического творчества», «бытовые, классовые, вообще социальные явления» на фольклорном материале и перепроверять результаты работы [Там же: 26–27]. У Б.М. Соколова был практический опыт стационарных этнографических и краеведческих исследований¹. Так же стационарно работали некоторые краеведы, привлеченные к руководимой им в 1925–1930 гг. Восточно-финской экспедиции Центрального музея народоведения [Коротин 1968: 132].

Ассоциация стационарных исследований с краеведческой работой была общим местом в этнографии 1920-х гг., но эти два явления все-таки не отождествлялись. Показательная дискуссия по этому вопросу произошла на Советании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. С.П. Толстов (1907–1976), откликаясь на ранее прозвучавший доклад Богораза о стационарном методе, противопоставил в своем выступлении стационарный метод краеведческому — вовлечению «в дело этнографических исследований самой массы населения» [Стенограмма 2014: 155]. Именно второй метод он считал необходимым условием согласования этнографических работ на местах с задачами социалистического строительства в конкретных районах. Толстову возразил Г.Н. Прокофьев (1897–1942), не видевший большой разницы между стационарным и краеведческими методами [Там же: 175]. Я.П. Кошкин (1900–1938) посчитал их противопоставление неверным, поскольку краеведение — не метод, а общественное движение, члены которого пользуются разными научными методами [Там же: 183–184]. Закрывает дискуссию реплика Н.М. Маторина (1898–1936): «С одной стороны, мы можем посылать на места исследователей-специалистов, которые будут жить там длительное время и заниматься всеми этими вещами, с другой стороны, мы можем привлечь местное

¹ В начале 1920-х гг. Б.М. Соколов, живя и работая в Саратове, занимался исследованием голода в Поволжье: «Это наблюдение за формами жизни в условиях голода, проводимое изо дня в день в течение двух лет, позволило нам подметить такие факты, такие моменты и такие явления, в высшей степени важные для этнографов, которые, если бы сделали изучение этого голода ретроспективно, мы бы не поняли» [Стенограмма 2014: 166].

население. <...> По-моему, сочетание методов стационарной работы и краеведческой даст нам те же результаты, что и стационарное пребывание исследователя» [Там же: 193]. Первый («профессиональный») подход к стационарному методу был связан преимущественно со школой Штернберга и Богораз, в то время как второй («краеведческий») разделяли многие ленинградские и московские этнографы. Именно «краеведческий» подход был близок Золотареву и нашел воплощение в организованной им Верхневолжской экспедиции и проекте создания пяти этнографических станций при Русском музее.

Верхневолжская экспедиция Д.А. Золотарева, 1921–1925 гг.

Давид Алексеевич Золотарев родился в 1885 г. в городе Рыбинске в семье священника (подробнее биографию см.: [Шангина, Аксянова 2017]). С юности он интересовался естественными науками. В 1903 г. Золотарев поступил на медицинский факультет Московского университета, но вскоре из-за участия в студенческих волнениях был исключен и продолжил свое образование за рубежом в Сорбонском университете и Русской высшей школе общественных наук в Париже, где слушал лекции по этнологии, археологии и антропологии. В 1908 г. Золотарев возвратился в Россию и продолжил изучение антропологии, этнографии и географии на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета. По его окончании он был оставлен при кафедре географии и этнографии для преподавания физической антропологии.

В 1920-е гг. Золотарев занимал много ответственных постов. Он работал заведующим отделением русско-финской этнографии ЭО ГРМ, возглавлял разряд этнографии и этнической антропологии Российской академии истории материальной культуры (далее — РАИМК) и Европейский отдел Комиссии по изучению племенного состава населения России. Кроме того, Давид Алексеевич входил в состав редколлегии ряда научных журналов и был членом Центрального и Областного бюро краеведения. Интерес к краеведению появился у него уже в юности. Студентом Золотарев много ездил в экспедиции по родному Верхнему Поволжью, знакомился с работой местных краеведов [Лоскутова 2009: 151]. Первые публикации Давида Алексеевича также носили краеведческий характер и были посвящены истории Рыбинска в XIX в., работе метеорологических станций и «пешеходным экскурсиям» в Ярославской губернии.

Неслучайно первая крупная комплексная этнологическая экспедиция, организованная Золотаревым, — Верхневолжская (1921–1925) — имела своей целью комплексное этнологическое изучение родного для него региона. Для нас важно, что эта

экспедиция стала для Давида Алексеевича первой попыткой постановки стационарных исследований с привлечением общест-венности на местах. В его планах было «осуществить экскурсионные и стационарные работы и провести сотрудничество центральных ученых учреждений и местных научных обществ под общим руководством» [Золотарев 1924: 3]. Под стационарной этнографической работой Золотарев понимал работу «изо дня в день», накопление и обработку систематически собираемых материалов [Золотарев 1926: 50]. Для привлечения к этой деятельности краеведов он участвовал в работе местных краеведческих съездов, читал доклады и лекции на заседаниях научных обществ в Рыбинске, Мологе, Бежецке и Красном холме, где рассказывал об «очередных задачах этнологического изучения России» [Золотарев 1924: 2]. Летом 1920 г. Давид Алексеевич получил предложение организовать исследования в Бежецком уезде Тверской губернии от местного научного общества. В январе 1921 г. он прочитал лекции на курсах краеведения в Бежецке и «дал Бежецкому Научному Обществу краткую программу вопросов для рассылки на места с тем, чтобы получить ответы к началу экспедиционной работы» [Там же: 3].

Из-за финансовых трудностей в полевом исследовании со стороны ленинградских учреждений (ЭО ГРМ и РАИМК) участвовало пять сотрудников вместо запланированных двенадцати [Золотарев 1924: 5]. Для организации работы экспедиции на местах много сделал председатель Бежецкого научного общества А.И. Михайлов. В полевых работах приняли ограниченное участие краеведы С.Д. Синицын и А.М. Шабад. Охвачены исследованием были только три волости Бежецкого уезда. Полевые работы велись с конца мая по вторую половину августа. Согласно первоначальным планам Золотарева, местные сотрудники экспедиции за летние месяцы должны были получить необходимый полевой опыт под руководством этнографов из центра и потом продолжать этнографические наблюдения на протяжении всего года. Летом, однако, в ситуации экономического и продовольственного кризиса краеведы были вынуждены больше думать «об огородах и полевых работах» [Там же: 6]. Из-за отсутствия средств, сожалел Золотарев, «не удалось использовать местных сотрудников и поставить стационарные работы в течение всего года» [Там же: 10]. Такого рода проблемы возникали и в дальнейшем. Тем не менее в 1922–1925 гг. у Золотарева получилось значительно расширить работу Верхневолжской экспедиции и охватить исследованием территории Тверской, Ярославской, западной части Костромской и южной части Вологодской губернии. За пять лет сотрудниками экспедиции было собрано множество этнографического, антропологического, диалектологического и фольклорного материала,

лишь небольшая часть которого опубликована (большая часть утеряна).

В статье 1926 г. Золотарев подвел итоги работы Верхневолжской и других крупных комплексных экспедиций [Золотарев 1926: 48–49]. Он подчеркнул методологическое значение такого рода исследований, в частности их задачу объединить усилия центральных и местных учреждений, сочетать кратковременную и стационарную полевую работу, привлекать специалистов разных направлений. Эта попытка, впрочем, признавалась не во всем удачной. Так, работа Верхневолжской экспедиции была прекращена из-за непреходящих материальных и организационных трудностей, вынудивших направить силы на изучение других регионов¹. Проблемы возникали прежде всего во взаимодействии центральных и местных учреждений: «Неравенство средств, сил и времени для работы, вопросы распределения материалов, обработки их и печатания создают неизбежно почву для недоразумений в наших условиях работы. Особенно вредит делу ненормальное положение центральных исследовательских учреждений, обладающих силами, но не имеющих достаточно средств. Экспедиции вынуждены опираться на средства местных учреждений, а материалы увозить для обработки, а часто и хранения в центр. При этом, не имея возможности напечатать, а иногда и обработать материал, экспедиции попадают в положение, при котором немислимо, не вызывая нареканий на местах, продолжать работу» [Там же: 48]. Тем не менее Золотарев продолжал считать такую комплексную экспедицию наилучшей формой исследовательской работы при условии устранения указанных недостатков, поскольку она «дает опыт и метод местным начинающим работникам и оставляет на местах интерес к работе и возможность продолжать дело самостоятельно» [Там же: 48–49].

Северная этнографическая станция Д.Д. Травина, 1923–1924 гг.

Своеобразным ответом на трудности ведения стационарных исследований в Верхневолжской экспедиции можно считать проект Золотарева по организации этнографических станций при Русском музее. Этот проект, запущенный в январе 1923 г., предполагал централизованную оплату труда заведующих станциями — жителей изучаемых регионов, которых планировалось оформить как научных сотрудников ЭО ГРМ [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 128. Л. 2]. Привлечь к стационарной работе местных

¹ В последующие годы Золотарев занимался организацией Юго-Восточной (1925–1929) и Северо-Западной (1926–1930) этнологических экспедиций Государственной академии истории материальной культуры (до 1926 г. — РАИМК).

исследователей выходило намного дешевле, чем снарядить на длительную работу в отдаленный район ленинградского этнографа. Кроме того, Золотарев отмечал, что сотрудники ЭО ГРМ сильно заняты музейной работой.

Этнографические станции, согласно проекту Золотарева, создавались не только для проведения стационарных исследований, но и как базы для экспедиционных работ ЭО ГРМ: «Являясь опорными пунктами для работ Отдела и передвигаясь из одного пункта в другой по мере выполнения определенных задач, станции могли бы наиболее надежным образом обслужить неотложные надобности Отдела» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 128. Л. 1]. Срок работы конкретных станций, таким образом, должен был ограничиваться сроком работы большой комплексной экспедиции, такой как Верхневолжская. В пояснительной записке к положению об этнографических станциях Давид Алексеевич писал, что уже есть люди, готовые взять на себя организацию станций на местах — в городе Бежецке (Краснохолмский уезд Рыбинской губ.) и селе Усть-Цильме (Печорский уезд Архангельской губ.) [Там же. Л. 2]. Напомню, что Золотарев предлагал организовать четыре станции для четырех отделений ЭО ГРМ и пятую для нужд всего отдела. Соответственно в Усть-Цильме планировалось создать станцию I отделения (русской и финской этнографии). Дополнительную пятую станцию Давид Алексеевич считал возможным временно разместить в Бежецке в качестве «опорного пункта» для продолжающихся работ Верхневолжской экспедиции [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48а. Л. 114].

Станция в Бежецке так и не была открыта, и Печорская станция в Усть-Цильме оказалась единственной работающей станцией Этнографического отдела. Ее руководителем и организатором стал петербуржец Д.Д. Травин (1889–1942), студент этнографического отделения Географического института. На Печоре Дмитрий Дмитриевич оказался вместе с братом Николаем (этнографом и художником) в 1921 г. в составе организованного Богоразом этнографического отряда Северной научно-промысловой экспедиции (1920–1925). Братья Травины проработали на Печоре с 1921 по 1926 г., ежегодно выезжая туда из Петрограда и проводя много месяцев в «поле» [Камеенская 1982: 97].

Для изучения населения Печорского края Дмитрий Дмитриевич разработал в 1921 г. научную программу. В ее основу он положил питание и инстинкт продолжения рода — основы «существования человеческого рода, в различных вариантах и разветвлениях» [Травин 1921: 1]. Результаты проводимых этнографами исследований, согласно Травину, должны были

быть понятны местному населению. Чтобы донести знания до малограмотных людей, он считал необходимым организовать этнографический музей — «социальное учреждение, вполне научно оборудованное, но в то же время совершенно доступное каждому в силу своей наглядности и разъяснения связи вещей самой системой, по которой он будет организован» [Травин 1921: 1]. Планируемый музей при этом должен был не ограничиваться наукой и просвещением людей, а помимо этого воспитывать, агитировать их и выступать проводником экономической политики государства. Наконец, музей мог стать необходимой базой для организации стационарных работ. Планы удалось реализовать, и в 1922 г. Травин с помощью местных жителей восстановил областной музей в с. Усть-Цильма, основанный до революции Журавским, и стал его директором [Травин 1922: 54].

На основании архивных документов можно следующим образом реконструировать процесс взаимодействия ЭО ГРМ с Травиным. В июне 1922 г. перед очередной экспедицией в Архангельскую губернию Дмитрий Дмитриевич от имени Печорского этнографического областного музея обращается в Русский музей с просьбой «о снабжении его для предстоящего в ближайшие дни отъезда сотрудников на Печору необходимым материалом» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109. Л. 19]. В условиях инфляции твердой валютой выступали обычно ткани, галантерейные товары, на них же выменивали этнографические предметы. В возмещение затрат Русскому музею предлагались некоторые собранные в 1921 г. коллекции, этнографические рисунки и фотографии. Вероятно, в связи с этим обращением состоялось знакомство Травина с Золотаревым, курировавшим в ЭО ГРМ этнографию русских, и созрела идея организации этнографической станции на базе Печорского музея.

В январе 1923 г. уже был готов проект положения об учреждении Этнографической станции в Усть-Цильме. Содержательно он повторял ключевые пункты «Положения об этнографических станциях Русского Музея» Золотарева и адаптировал его к конкретным обстоятельствам. Согласно документу, задачи станции «тождественны задачам существующих биологических станций, то есть имеют целью стационарное изучение населения в естественных условиях его существования, собирание коллекций и этнографических материалов» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109. Л. 50]. Заведующий станцией должен был избираться Русским музеем, числиться на правах хранителя отдела и финансироваться за счет штатной единицы, предоставляемой Академическим центром Наркомпроса. Все собираемые коллекции предполагалось передавать в Русский музей. Тот, в свою очередь,

снабжал станцию обменным материалом и способствовал ее научно-техническому оборудованию и пополнению ее библиотеки [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109. Л. 50–52]. Расходы по строительству, ремонту здания станции и ее хозяйственному оборудованию планировалось возложить на Архангельские губернские учреждения — в данном пункте, вероятно, подтверждались обязанности местных учреждений по поддержанию уже функционирующего областного музея.

Временем начала работы станции можно условно считать июль 1923 г. На бланке письма Травина академическому центру от 13 июля впервые появляется штамп: «Печерский этнографический областной музей / Северная Этнографич. станция»¹. В этом письме он просит выдать оборудование для фотографирования и освещения, предметы для рисования и канцелярские принадлежности «ввиду отъезда для этногр[афических] работ на Печере и по организации этнографической станции сроком на один год в составе двух сотрудников Печерского Музея» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 128. Л. 5–5об.]. Вопрос оплаты труда заведующих станций, однако, в Отделе по делам музея был решен отрицательно. Финансирование станций через Русский музей было признано затруднительным и Печорскому музею предлагалось ходатайствовать об увеличении штата в провинциальных музеях. Последующее развитие событий показало, что это решение не было плодотворным.

Вернувшись осенью в Петроград, Травин отчитался перед ЭО ГРМ, что «организация Печерской Станции ведется энергично и может двигаться очень успешно», если Русский музей сможет обеспечить стабильное финансирование [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109. Л. 55об.]. Братья продолжали этнографические исследования по обширной программе, включавшей изучение прежде всего экономики (сельского хозяйства, рыболовства, оленеводства, охоты, кустарных ремесел), но также фольклора, народного искусства, детских игр, нового быта. Если ранее поступавшие в ЭО ГРМ коллекции характеризовали преимущественно русское старообрядческое население Усть-Цилемской волости, то в 1923 г. братья Травины начали сбор коллекций и материалов по культуре русских других волостей Печорского уезда, уделяя внимание также ненцам и коми-ижемцам [Там же. Л. 54]. В декабре 1923 г. Дмитрий Дмитриевич получил от Русского музея новую порцию обменного материала, включавшую различные ткани и чайные ложки [Там же. Л. 57]. С его помощью Травины продолжили весной и летом 1924 г. сбор

¹ Переписка до этой даты содержит штамп «Печерский этнографический областной музей» без упоминания станции.

этнографических предметов. В письме от 5 июля 1924 г. последний раз был использован штамп «Северная этнографич. станция». Станция при Русском музее заканчивала свое существование.

В ноябре 1925 г. в ГРМ поступили все собранные сотрудниками станции коллекции, в том числе предназначавшиеся для других музеев. В следующем году в Ленинградском государственном университете и РГО были устроены отчетные выставки [Каме-нецкая 1982: 96; АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109. Л. 73]. После их закрытия часть экспонатов вернулась в ЭО ГРМ и была зарегистрирована в собрании музея под коллекционными номерами 4050 и 5261 (около 430 предметов). В том же 1925 г. музей получил в дар от Дмитрия Дмитриевича 36 фотоснимков. Переданные коллекции в основном представляли этнографию русского населения Усть-Цилемской волости Печорского уезда и стали основным итогом работы этнографической станции. Их тематический охват отражает интересы собирателей. Так, в коллекции много утвари для приготовления, хранения и употребления пищи, промыслового и ремесленного инвентаря, детских игрушек, предметов народного искусства. Особо стоит отметить уникальную для собрания РЭМ коллекцию святочных масок. Вместе с тем в сборах Травиных почти не представлены одежда и предметы религиозного назначения.

Несмотря на то что Русскому музею не удалось организовать полноценное финансирование, печорская станция проработала целый год и Дмитрий Дмитриевич, судя по письмам, сохранил уважительные и рабочие отношения с сотрудниками ЭО ГРМ¹. Это можно объяснить тем, что этнографическая станция при Русском музее была для братьев лишь одной из форм институционализации, финансирования и архивации результатов проводимых исследований, наряду с Северной научно-промысловой экспедицией, Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамерой), губернским Печорским областным музеем и некоторыми другими². Большую часть года они жили в Печорском уезде, работали в областном музее и изучали местный край по комплексной программе, включавшей не только этнографию, но и географию, экономику. В этом отношении Травины могут быть названы печорскими краеведами, а не только этнографами. Тем не менее их исследования соответствовали «профессиональной» концепции стационарной работы.

¹ Отчасти похожая ситуация между А.В. Журавским и Академией наук по поводу финансирования Печорской естественно-научной станции закончилась тяжелым конфликтом [Терюков 2008: 93–97].

² См. о разных источниках финансирования подобных поездок: [Вахтин, Лярская 2024: 22].

Этнологические станции при краеведческих научных обществах в 1920-е гг.

В 1926 г. Золотарев характеризовал этнологические станции как «своевременную и практичную» форму организации исследовательской работы, приведя в пример проект пяти станций ЭО ГРМ и Костромскую этнологическую станцию. Спустя два года Давид Алексеевич уже более критично оценивал свой проект и превозносил опыт Костромской станции, который «оказался более жизненным, чем организация таких станций центральными учреждениями, как предполагал Этнографический Отдел Русского Музея» [Золотарев 1928: 254]. В этом разделе рассматриваются практики полевой работы этнологических станций, созданных по инициативе региональных научных обществ.

Костромская станция была, пожалуй, самой известной и продуктивной среди прочих этнологических станций, организованных в городах Верхнего Поволжья в 1920-е гг. Она была создана краеведом В.И. Смирновым (1882–1941) в 1922 г. при Костромском научном обществе и называлась сначала антрополого-этнографической, а с 1923 г. — этнологической. Примечательно, что к этому времени при обществе уже работали две научные станции — биологическая и геофизическая (метеорологическая). Создавая именно станцию, костромской краевед прямо или косвенно апеллировал к авторитету естественных наук и свойственным им формам организации исследовательских работ на местах.

Задачи антрополого-этнографической станции определялись как «1) Изучение физических признаков населения Костромского края и 2) Изучение культуры, быта и лингвистических его особенностей (этнографическое изучение в широком смысле слова)» [Отчет 1923: 13]. Планомерные исследования в области физической антропологии, впрочем, вскоре закончились по причине отъезда из Костромы Е.М. Чепурковского. Штат станции состоял из бессменного заведующего В.И. Смирнова (председателя Костромского научного общества и директора Музея местного края), двух-трех научных работников, получавших зарплату из местных средств, и присоединявшихся к ним временно на общественных началах сотрудников и практикантов.

Основным методом сбора этнографических материалов для сотрудников станции была рассылка анкет и программ по сети корреспондентов на местах. В результате архив станции пополнялся тысячами ответов на вопросы по темам религиозных верований, примет и гаданий, сельскохозяйственных орудий, гончарного производства, скотоводства, пищи, космографии, хулиганства и пр. Этнографическая работа велась также

посредством краткосрочных полевых выездов и летних экспедиций. Сотрудники станции записывали фольклор, диалектную речь, вели наблюдения и опросы, зарисовывали, фотографировали и собирали предметы материальной культуры (одежду, средства передвижения, образцы ткани и пр.), проводили археологические раскопки.

Первым опытом полноценной экспедиционной работы было участие сотрудников станции в работе Верхневолжской этнологической экспедиции РАИМК под руководством Золотарева. В декабре 1923 г. Давид Алексеевич выступил на 1-й Костромской губернской конференции по изучению производительных сил с предложением к местным исследователям участвовать в экспедиции. Сотрудники костромской станции с энтузиазмом на это отреагировали, в результате чего были запланированы совместные работы в Костромском уезде и на некоторых смежных территориях летом 1924 г. На протяжении месяца сотрудники ЭО ГРМ и костромской станции изучали материальную культуру, сельское хозяйство и промыслы, бюджеты, народное искусство, язык и фольклор местных крестьян [Отчет 1925: 20–21].

В последующие годы сотрудники станции выезжали в летние экспедиции на три-четыре недели, продолжая уже своими силами комплексные исследования западной части Костромской губернии (Буйского, Галичского и Костромского уездов). В работе экспедиций 1927–1928 гг. можно увидеть попытки применить стационарный метод в его понимании костромскими краеведами. Так, в июне 1927 г. сотрудники станции Е.М. Полянская и Л.С. Кितिцына проводили этнографические исследования в Буйском уезде в районе реки Кореги. В 16 селениях изучалась локальная группа русских «корежские дворяне»¹. При этом, как отмечалось в отчете, «в д. Лемехово, как наиболее типичной, работа велась в течение 12 дней и приняла стационарный характер» [Отчет 1928: 17]. Летом 1928 г. изучение «корежских дворян» продолжила Е.М. Полянская. Было обследовано 12 селений, «причем в деревнях: Слобода Шипилово и М. Абатурки она приняла стационарный характер» [Отчет 1929: 12]. Можно сделать вывод, что «стационарный метод» в понимании костромских краеведов аналогичен «кустовому методу» позднесоветской этнографии, который «позволяет сочетать выгоды полустационарных углубленных полевых исследований на базовом пункте с маневренностью маршрутного обследования соседних поселений» [Громов 1966: 12].

¹ На тему «корежских дворян» Полянской был сделан доклад на Втором совещании этнологов ЦПО 1927 г. [Полянская 1929].

Под влиянием костромских краеведов была создана этнологическая станция при Иваново-Вознесенском губернском научном обществе краеведения. На первой краеведческой конференции, организованной этим обществом в 1924 г., прозвучал доклад В.И. Смирнова «К вопросу об изучении этнологии края». Местные краеведы восприняли его с энтузиазмом и приняли решение организовать этнологическую станцию [Протокол 1925: 304]. По совету Д.А. Золотарева иваново-вознесенцы провели неделю в Костроме, чтобы перенять опыт Смирнова и его коллег. Возглавил новую станцию филолог М.П. Сокольников (1898–1979)¹, его заместителем стал А.М. Кузнецов, секретарем — педагог А.И. Орлов, а библиотекарем — студент С.Е. Елховский (1899–1985) [Бутрин 2023: 28]. Все сотрудники работали на общественных началах.

Работа началась, как и в Костроме, с создания сети корреспондентов на местах. По ней были разосланы программы, посвященные диалектологии, фольклору и этнографии крестьян [Елховский 1927: 23]. За все время работы станции в силу недофинансирования краеведам удалось устроить только одну небольшую экспедицию в 1925 г. в с. Шекшово Юрьев-Польского уезда. Во многом этим объясняется упор на стационарные (или, как их называл Сокольников, «аборигенные» [Бутрин 2023: 29]) формы работы в самом Иваново-Вознесенске. В частности, были организованы работы по сбору фольклора при школах и фабрично-заводском училище [Савоскул и др. 2011: 33; Бутрин 2023: 28]. В итоге к 1926 г. в архиве станции по Иваново-Вознесенску было около 3000 частушек, 200 песен, в том числе 70 в нотных записях [Елховский 1927: 24]. В силу личных склонностей сотрудники станции собирали, осмыслили и представляли в докладах прежде всего фольклорный материал. Сокольников и Орлов в 1926 г. отошли от этнологической проблематики и сосредоточились на литературоведении, а Елховский вернулся в родной Переславль-Залесский. На этом деятельность станции фактически прекратилась.

На страницах отчета Переславль-Залесского научно-просветительного общества (далее — ПеЗаНПРОб) за 1928 г. рядом с Метеорологическим бюро и Станцией по кольцеванию птиц впервые публикуются сведения о работе Музыкально-этнографической станции [Отчет 2019: 63]. Она была организована С.Е. Елховским, решившим продолжить фольклористические исследования родного края. Начались же эти исследования в 1919–1921 гг., когда Елховский собирал переславский фольклор под руководством М.И. Смирнова (1868–1949), известного

¹ В 1925 г. станцию возглавил А.И. Орлов, его заместителем стал С.Е. Елховский.

переславского краеведа и одного из учредителей ПеЗаНПрОб, брата костромского исследователя В.И. Смирнова. В 1922 г. Михаил Иванович обратился в московский Государственный институт музыкальных наук за помощью в организации при ПеЗаНПрОб музыкально-этнографической станции, но проект не был реализован [Елховский 2011б: 323]. Возможно, эта инициатива возникла под влиянием проекта фольклорных станций Ю.М. Соколова, с которым Михаил Иванович был лично знаком.

Идею Смирнова воплотил в жизнь Елховский в 1928 г. при поддержке Комиссии по изучению народной музыки при РГО [Отчет 2019: 63–64]. К этому времени Сергей Евгеньевич был уже опытным полевиком и исследователем, а в архиве ПеЗаНПрОб накопилось много фольклорных материалов. Елховский стал председателем станции, сотрудниками которой состояли его сестра Лидия, К.Н. Александрова и З.П. Борисовская. Главной задачей станции определялось «собрать и зафиксировать, изучить и сохранить в памяти народную музыку и песенный обиход народа» [Елховский 2011б: 324]. Сбор материалов шел преимущественно за счет полевых выездов в селения Переславского уезда (в 1928 г. — д. Словеново, с. Елизарово, с. Лучинское), а также в самом Переславле-Залесском. Кроме сотрудников станции собирательской работой занимались школьники и крестьяне на местах. Особое положение в работе станции занимало «стационарное изучение деревни Куряниново в этнографическом отношении» Елховским [Елховский 2011в: 325]. В эту богатую песенным фольклором небольшую деревню исследователь регулярно приезжал на протяжении двух с половиной лет с 1927 г. По итогам работ была подготовлена рукопись «Куряниново. Материалы для монографии», включавшая краткую характеристику материальной культуры, хозяйства и общественной организации деревни, описания календарной обрядности, свадебного обряда, а также записи песен разных жанров, духовных стихов, частушек, сказок и произведений детского фольклора [Елховский 2011а].

Создание и плодотворную работу этнологических станций в Верхнем Поволжье (Костроме, Иваново-Вознесенске и Переславле-Залесском) следует поставить в заслугу прежде всего двум семьям — Смирновым и Елховским. При этом нельзя отрицать влияние на них столичных популяризаторов идеи этнологических станций — Золотарева и братьев Соколовых, биографии которых также связаны с Верхним Поволжьем¹. Нужно отме-

¹ Как уже указывалось, Золотарев родился в Рыбинске. Отец Соколовых Матвей Иванович родился в с. Спасском Ярославской губернии в семье церковного причетника.

тить и другое сходство: все упомянутые исследователи, как столичные, так и региональные, происходили из среды духовенства.

Можно подытожить, что ключевыми методами сбора этнографических материалов на этнологических станциях были работа с корреспондентами и летние экспедиции. В этом отношении они мало чем отличались от других форм институционализации этнографии в краеведении (комиссий, кабинетов, музеев). Слово «станция» в названии, однако, ставило труд ее работников в один ряд с деятельностью сотрудников биологических, метеорологических, геодезических и других станций, работавших в рамках тех же краеведческих научных обществ и также сочетавших полевые, «кабинетные» и лабораторные исследования. Вместе с тем сотрудники этнологических станций в той или иной форме практиковали «стационарный» метод, понимая под ним относительно длинное и углубленное (по сравнению с маршрутной экспедицией или кратким полевым выездом) исследование определенного населенного пункта. Образцовым краеведческим стационарным исследованием, соответствующим ожиданиям столичных этнографов, можно считать изучение С.Е. Елховским деревни Куряниново.

В своих научных амбициях сотрудники станций были, однако, достаточно скромны и видели своей целью прежде всего сбор и первичную обработку материалов по «своему» региону. Организационная и методическая работа столичных институций (Центральное бюро краеведения, РГО и др.) поддерживала краеведов и позволяла им чувствовать себя частью большого научного проекта по этнологическому исследованию населения СССР.

Заключение

Как показывает настоящая работа, изучение истории стационарного метода в позднеимперской и раннесоветской этнографии должно исходить из различения двух его концепций — «профессиональной» и «краеведческой». Если апологеты «профессиональной» концепции (Богораз и Штернберг) опирались на опыт ссыльной народнической этнографии, то приверженцы «краеведческой» (Пыпин, Анучин, Клеменц, Золотарев и др.) во многом основывались на достижениях естественных наук, смежных с этнографией и антропологией. Сами понятия станции и стационарного метода этнографы переняли у географов и биологов и постарались передать их краоведам. Можно сказать, что эти понятия стали своеобразными «пограничными объектами» — концептами, из которых складывался «общий язык» для

обсуждения организации научной, в частности полевой, работы разными группами исследователей и другими заинтересованными сторонами. При этом каждая группа понимала эти концепты по-своему и адаптировала к своим задачам [Star, Griesemer 1989; Trompette, Vinck 2009].

Для этнографов сеть метеорологических станций была примером того, как можно охватить систематическими исследованиями обширные территории России, заручившись помощью местных энтузиастов. Биологические станции давали также образец организации стационарных работ по изучению живых существ в лабораторных условиях и естественной среде обитания, что было близко к задачам полевой и музейной этнографии. Как следствие, в раннесоветской этнографии оказалась востребована идея организации этнологических станций в качестве своеобразных аналогов станций биологических и метеорологических.

На примере комплексной Верхневолжской этнологической экспедиции Золотарева и связанного с ней проекта организации пяти этнографических станций при ЭО ГРМ можно увидеть сложности взаимодействия столичных и местных исследователей. Неравенство в финансовом, научном и организационном отношении крайне затрудняло привлечение краеведов к стационарной работе и созданию этнографических станций. Единственная станция ЭО ГРМ проработала только год, так и не получив планируемого финансирования. Ее сотрудники, петербуржцы братья Травины, не были местными жителями, и их стационарная работа соответствовала «профессиональной» концепции. Сбор этнографических материалов в краеведческих станциях при научных обществах Верхнего Поволжья был основан прежде всего на рассылке по сети корреспондентов анкет, вопросников и на кратковременных экспедициях. Вместе с тем практиковалось и длительное изучение определенных населенных пунктов (например, Иваново-Вознесенска, д. Курянино). Несмотря на то что у сотрудников Костромской этнологической станции не было полевой работы дольше 12 дней в одном населенном пункте, сама станция характеризовалась Золотаревым как образцовая. Это говорит о широком понимании стационарной работы, главным признаком которой считалось долгосрочное изучение определенного региона разными методами, не всегда предполагавшими непосредственный контакт с исследуемыми людьми. Длительное погружение исследователя в жизнь локального сообщества, рассматривавшееся как вариант стационарного метода, считалось скорее прерогативой «монографических исследований» сел и деревень.

В конце 1920-х гг. начались гонения на краеведческое движение, обернувшиеся репрессиями как столичных, так и региональных ученых. В 1930–1931 гг. подверглись аресту многие герои настоящей статьи: Золотарев, братья Смирновы, Кितिцына, Полянская, Елховский. Огосударствление краеведения привело к переформатированию всей работы, и этнологические станции с их вниманием к «старине» в духе «антропологии спасения» были обречены на исчезновение. Советизация этнографии шла через отрицание связей с естественными науками и представление ее как науки исторической (см. статью настоящей подборки: [Верховцев 2025]). «Биологизаторство» стало страшным грехом, синонимичным расизму. Сложившийся политический контекст привел к вытеснению из дисциплинарной памяти и историографии этнологических станций и связи стационарного метода с краеведческим движением.

Список сокращений

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея

ПеЗанПрОб — Переславль-Залесское научно-просветительное общество

РАИМК — Российская академия истории материальной культуры

РГО — Русское географическое общество

ЦПО — Центрально-промышленная область

ЭО ГРМ — Этнографический отдел Государственного Русского музея

Архивные материалы

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48а. Журнал заседаний Совета Этнографического отдела № 392-447 за 1920–1924 гг.

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109. Переписка с заведующим Печерским этнографическим областным музеем Д.Д. Травиным о собирании коллекций и вещей для Этнографического отдела в Печерском уезде, описи вещей. 1922–1925 гг.

АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 128. Положение и записка об этнографических станциях. 1923–1925 гг.

Источники

Елховский С.Е. О работе этнологической станции Ив.-Вознесенского губернского научного о-ва краеведения // Богданов В.В., Толстов С.П. (ред.). Вопросы этнологии Центрально-промышленной области. М.: Гос. музей ЦПО, 1927. С. 23–25.

Елховский С.Е. Куляниново. Материалы для монографии // Савоскул С.С. (отв. ред.). Переславское Залесье: фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского. М.: Индрик, 2011а. Вып. 1. С. 203–305.

Елховский С.Е. К вопросу об организации музыкально-этнографической станции при Научно-просветительном обществе [1928] // Саво-

- скул С.С. (отв. ред.). Переславское Залесье: фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского. М.: Индрик, 2011б. Вып. 1. С. 321–324.
- Елховский С.Е. Песни Курянинова (из опыта музыкально-этнографического изучения деревни) [1928] // Савоскул С.С. (отв. ред.). Переславское Залесье: фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского. М.: Индрик, 2011в. Вып. 1. С. 325–328.
- Золотарев Д.А. Работа Этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1924. Т. 3. С. 1–32.
- Отчет за 1928 год // Устав и отчеты Переславль-Залесского научно-просветительного общества. М.: MelanarE, 2019. С. 60–67.
- Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1922 год. Кострома: Тип. газ. «Красный Мир», 1923. 32 с.
- Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1924 год. Кострома: Первая губтип. «Красный печатник», 1925. 42 с.
- Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1927 год. Кострома: Гос. типо-лит. «Красный печатник», 1928. 47 с.
- Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1928 год. Кострома: Гос. типо-лит. «Красный печатник», 1929. 34 с.
- Протокол Иваново-Вознесенской краеведческой конференции // Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Иваново-Вознесенск: Типо-лит. «Красный Октябрь», 1925. Вып. 3: Итоги краеведной работы губернии в докладах Первой губернской краеведческой конференции. С. 299–305.
- Соколов Б.М., Соколов Ю.М. Поэзия деревни: руководство для собирания произведений устной словесности. М.: Новая Москва, 1926. 168 с.
- Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда // Арзютов Д.В., Алымов С.С., Андерсон Д.Дж. (ред.). От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 93–496.
- Травин Д.Д. Задачи этнографических работ на Печоре. Архангельск: Гос. изд-во; Центр. тип., 1921. 2 с.
- Травин Д. Об этнографических работах на Печоре // Северный край. 1922. Кн. 3. С. 53–54.
- Шейн П.В. Вильгельм Мангардт (из воспоминаний этнографа) // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. С. 150–164.
- Müller M. Address // Douglas R.K. (ed.). Transactions of the Second Session of the International Congress of Orientalists Held in London in September, 1874. London: Trubner & Co., 1876. P. 177–204.

Библиография

- Алымов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // Арзютов Д.В., Алы-

- мов С.С., Андерсон Д.Дж. (ред.). От классиков к марксизму: со-
 вещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.).
 СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–90.
- Алымов С.С., Решетов А.М. Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизнен-
 ного пути // Тумаркин Д.Д. (ред.). Репрессированные этнографы.
 2-е изд. М.: Вост. лит., 2003. Вып. 2. С. 227–268.
- Анучин Д.Н. О задачах и методах антропологии // Русский антропологи-
 ческий журнал. 1902. № 1. С. 62–88.
- Арзютов Д.В., Кан С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской
 этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68.
- Бедрицкий А.И., Борисенков Е.П., Коровченко А.С., Пасецкий В.М. Очерки
 по истории гидрометеорологической службы России: в 3 т. СПб.:
 Гидрометиоиздат, 1997. Т. 1. 344 с.
- Богданов В.В., Толстов С.П. (ред.). Вопросы этнологии Центрально-
 промышленной области. М.: Гос. музей ЦПО, 1927. 49 с.
- Бутрин Е.С. История этнологической станции Иваново-Вознесенского
 губернского общества краеведения (1924–1926 гг.) // На пути
 к гражданскому обществу. 2023. № 3. С. 26–33.
- Вахтин Н., Лярская Е. Письма из поля: принципы ленинградской этно-
 графической школы и советская реальность // Новое литературное
 обозрение. 2024. № 190 (6). С. 15–43.
- Верховцев Д. Женихи этнографии: проекты новой этнографической пара-
 дигмы в конце 1920-х гг. // Антропологический форум. 2025. № 67.
 С. 59–92. doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-59-92.
- Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во МГУ, 1966.
 119 с.
- Золотарев Д.А. Вопросы изучения быта деревни СССР // Этнография.
 1926. № 1–2. С. 45–53.
- Золотарев Д.А. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений
 по антропологии, палеоэтнологии и этнографии за последние
 10 лет // Человек. 1928. № 2–4. С. 246–260.
- Каменецкая Р.В. Предметы традиционной культуры русских старожилов
 долины р. Индигирки и собиратель коллекции Д.Д. Травин //
 Станюкович Т.В. (отв. ред.). Памятники культуры народов Европы
 и европейской части СССР. Л.: Наука, 1982. С. 94–103.
- Керимова М.М. Вклад В.В. Богданова и Б.М. Соколова в создание и раз-
 витие российской этнографической периодики в конце XIX —
 первой четверти XX века // Сирина А.А. (отв. ред.). Три века
 российской этнографии: страницы истории. М.: ИЭА РАН, 2017.
 С. 102–139.
- Клеменц Д. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни (пуб-
 личная лекция, читанная в Кяхте 8 октября 1892 г.) // Сибирский
 сборник: Прил. к «Восточному обозрению». Иркутск: Тип.
 К.И. Витковской, 1893. Вып. 2. С. 1–35.
- Козьмин В.А. Учебник полевой этнографии. Гл. II: Организационные ос-
 новы полевой этнографии // Кунсткамера: этнографические тетра-
 ди. 1994. Вып. 4. С. 364–374.

- Коротин Е.И. Принципы организационно-собирательской работы в фольклористике 1920-х годов (Борис Матвеевич Соколов) // Липец Р.С. (отв. ред.). Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1968. Вып. 4. С. 122–135.
- Кочедыкова М.М., Рощевская Л.П. Зоологическая станция Императорской Академии наук в с. Усть-Цильма Архангельской губернии // Клио. 2016. № 6 (114). С. 101–108.
- Лоскутова М. Уездные ученые: самоорганизация научной общественности в российской провинции во второй половине XIX — первые десятилетия XX в. // Ab Imperio. 2009. № 3. С. 119–170.
- Лоскутова М. «Наука областного масштаба»: идея естественных районов в российской географии и истоки краеведческого движения 1920-х гг. // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 83–121.
- Полянская Е.М. «Корежские дворяне» // Богданов В.В., Толстов С.П. (ред.). Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (этнологические исследования и материалы). М.: Тип. ПТО МОНО при 1-м Моск. ин-те глухонемых, 1929. С. 127–131.
- Пытин А.Н. О задачах русской этнографии // Известия Императорского Русского географического общества. 1885. Т. 21. С. 480–500.
- Ратнер-Штернберг С.А. Л.Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа 1904–1927 (по личным воспоминаниям и архивным данным) // Советская этнография. 1935. № 2. С. 134–154.
- Савоскул С.С., Макашина Т.С., Рубцова С.Б. С.Е. Елховский и его фольклорно-этнографическое собрание // Савоскул С.С. (отв. ред.). Переславское Залесье: фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского. М.: Индрик, 2011. Вып. 1. С. 15–66.
- Сирина А.А. Орочи в полевых дневниках Б.А. Куфтина (по материалам тунгусской экспедиции 1928–29 гг.) // Андросова С.В. (ред.). Труды третьей междунар. междисциплинарной Тунгусской конференции «Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и в Китае (эвенки, эвены, орохоны и другие группы)». Благовещенск: Одеон, 2019. С. 205–212.
- Соколов Ю.М. Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведных работ // Богданов В.В. (ред.). Вопросы краеведения: сб. докладов, сделанных на Всерос. конф. научных обществ по изучению местного края. М.: Нижполиграф, 1923. С. 109–110.
- Терюков А.В. Андрей Владимирович Журавский и его коллекция по русским старообрядцам в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН // Бернштам Т.А., Терюков А.И. (отв. ред.). Коллекции отдела Европы: Выставочные проекты. Каталоги. Исследования. СПб.: Наука, 2008. С. 88–108. (Сборник МАЭ. Т. 54).
- Токарев С.А. Советская этнография за 40 лет // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 2. С. 78–98.
- Шангина И.И., Аксянова Г.А. Давид Алексеевич Золотарев — этнограф, антрополог, организатор науки в России начала XX века // Сирина А.А. (отв. ред.). Три века российской этнографии: страницы истории. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 221–244.

- Штернберг Л.Я.* Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы // *Этнография*. 1926. № 1–2. С. 15–43.
- de Bont R.* Stations in the Field: A History of Place-based Animal Research, 1870–1930. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2015. 274 p.
- Kohler R.E.* Landscapes and Labscapes: Exploring the Lab-Field Border in Biology. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2002. XV+326 p.
- Star S.L., Griesemer J.R.* Institutional Ecology, “Translations” and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley’s Museum of Vertebrate Zoology, 1907–39 // *Social Studies of Science*. 1989. Vol. 19. No. 3. P. 387–420.
- Thornton R.* The Foundation of African Studies: Wilhelm Bleek’s African Linguistics and the First Ethnographers of Southern Africa // Deacon J., Skottnes P. (eds). *The Courage of Ikabbo: Celebrating the 100th Anniversary of the Publication of Specimens of Bushman Folklore*. Cape Town: University of Cape Town Press, 2014. P. 99–117.
- Trompette P., Vinck D.* Revisiting the Notion of Boundary Object // *Revue d’anthropologie des connaissances*. 2009. Vol. 3. No. 1. P. 3–25. doi: 10.3917/rac.006.0003.

Ethnological Stations of the 1920s: Towards a History of the Stationary Method in Soviet Ethnography

Stanislav Petriashin

The Russian Museum of Ethnography
4/1 Inzhenernaya Str., St Petersburg, Russia
s.petryashin@ethnomuseum.ru

The paper examines the history of ethnological stations in the context of the influence of the natural sciences on the development of the stationary method in Soviet ethnography of the 1920s. The study is intended to complement the dominant narrative in historiography, according to which the history of the stationary method in early Soviet ethnography is reduced to the history of the “Leningrad school of ethnography” of L. Ya. Sternberg and V. G. Bogoras. The ideas behind creating ethnological stations were formed in the last third of the 19th — early 20th centuries in German and Russian science under the influence of examples of successful work of biological and meteorological stations. These ideas, however, gained popularity and were partly implemented only in the 1920s. In the projects of some Soviet ethnographers and folklorists, stations were linked

with stationary research and the involvement of local students in field work. The complex and contradictory relationships between central and local institutions are revealed using the examples of the Upper Volga expedition of D. A. Zolotarev and his project to create five ethnographic stations at the Ethnographic Department of the Russian Museum. Inequality in financial, scientific and organisational terms made it extremely difficult to attract specialists in local studies to stationary work and to set up ethnographic stations. An analysis of the work of ethnological stations founded by the Volga scientific societies shows significant differences between the ideas of ethnographers from the capital and those of local specialists in regional studies. The latter understood the stationary method differently and often preferred other methods of collecting materials on the culture of peasants and townspeople.

Keywords: ethnological stations, D. A. Zolotarev, local studies, stationary method, Soviet ethnography.

References

- Alymov S. S., Arzyutov D. V., 'Marksistskaya etnografiya za sem dney: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh sotsialnykh naukakh v 1920–1930-e gody' [Marxist Ethnography in Seven Days: A Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad and Debates in Soviet Social Sciences in the 1920s–1930s], Arzyutov D. V., Alymov S. S., Anderson D. J. (eds), *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.)* [From the Classics to Marxism: The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad (5–11 April 1929)]. St Petersburg: MAE RAS Press, 2014, pp. 21–90. (In Russian).
- Alymov S. S., Reshetov A. M., 'Boris Alekseevich Kuftin: izlomyy zhiznennogo puti' [Boris Alekseevich Kuftin: Breaks in the Path of His Life], Tumarkin D. D. (ed.), *Repressirovannyye etnografy* [Repressed Ethnographers], 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003, is. 2, pp. 227–268. (In Russian).
- Anuchin D. N., 'O zadachakh i metodakh antropologii' [On the Tasks and Methods of Anthropology], *Russkiy antropologicheskii zhurnal*, 1902, no. 1, pp. 62–88. (In Russian).
- Arzyutov D. V., Kan S. A., 'Kontseptsiya polya i polevoy raboty v ranney sovetskoj etnografii' [The Concept of the Field and Fieldwork in Early Soviet Ethnography], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 6, pp. 45–68. (In Russian).
- Bedritskiy A. I., Borisenkov E. P., Korovchenko A. S., Pasetskiy V. M., *Ocherki po istorii gidrometeorologicheskoy sluzhby Rossii* [Essays on the History of the Russian Hydrometeorological Service]: in 3 vols. St Petersburg: Gidrometizdat, 1997, vol. 1, 344 pp. (In Russian).
- Bogdanov V. V., Tolstov S. P. (eds), *Voprosy etnologii Tsentralno-promyshlennoy oblasti* [Issues of Ethnology of the Central Industrial Region]. Moscow: State Museum of Central Industrial Region, 1927, 49 pp. (In Russian).

- Butrin E. S., 'Istoriya etnologicheskoy stantsii Ivanovo-Voznesenskogo gubernskogo obshchestva kraevedeniya (1924–1926 gg.)' [History of the Ethnological Station of the Ivanovo-Voznesensk Provincial Society of Regional Studies (1924–1926)], *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*, 2023, no. 3, pp. 26–33. (In Russian).
- de Bont R., *Stations in the Field: A History of Place-based Animal Research, 1870–1930*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2015, 274 pp.
- Gromov G. G., *Metodika etnograficheskikh ekspeditsiy* [Methods of Ethnographic Expeditions]. Moscow: Moscow State University Press, 1966, 119 pp. (In Russian).
- Kamenetskaya R. V., 'Predmety traditsionnoy kultury russkikh starozhilov doliny r. Indigirki i sobiratel kollektsii D. D. Travin' [Items of the Traditional Culture of Russian Old-Believers of the Indigirka River Valley and the Collector of the Collection, D. D. Travin], Stanyukovich T. V. (ed.), *Pamyatniki kultury narodov Evropy i evropeyskoy chasti SSSR* [Cultural Items of the Peoples of Europe and the European Part of the USSR]. Leningrad: Nauka, 1982, pp. 94–103. (In Russian).
- Kerimova M. M., 'Vklad V. V. Bogdanova i B. M. Sokolova v sozдание i razvitiye rossiyskoy etnograficheskoy periodiki v kontse XIX — pervoy chetverti XX veka' [The Contribution of V. V. Bogdanov and B. M. Sokolov to the Creation and Development of Russian Ethnographic Periodicals in the Late 19th — First Quarter of the 20th Century], Sirina A. A. (ed.), *Tri veka rossiyskoy etnografii: stranitsy istorii* [Three Centuries of Russian Ethnography: Pages of History]. Moscow: IEA RAS Press, 2017, pp. 102–139. (In Russian).
- Klements D., 'Mestnye muzei i ikh znachenie v provintsialnoy zhizni (publichnaya lektsiya, chitannaya v Kyakhte 8 oktyabrya 1892 g.)' [Local Museums and Their Importance in Provincial Life (Public Lecture Given in Yakhta on 8 October, 1892)], *Sibirskiy sbornik: Prilozhenie k "Vostochnomu obozreniyu"* [Siberian Collection: Supplement to the "Eastern Review"]. Irkutsk: K. I. Vitkovskaya Printing House, 1893, is. 2, pp. 1–35. (In Russian).
- Kochedykova M. M., Roshchevskaya L. P., 'Zoologicheskaya stantsiya Imperatorskoy Akademii nauk v s. Ust-Tsilma Arkhangel'skoy gubernii' [The Zoological Station of the Imperial Academy of Sciences in the Ust-Tsilma Village of Arkhangelsk Province], *Klio*, 2016, no. 6 (114), pp. 101–108. (In Russian).
- Kohler R. E., *Landscapes and Labscapes: Exploring the Lab-Field Border in Biology*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2002, XV+326 pp.
- Korotin E. I., 'Printsipy organizatsionno-sobiratel'skoy raboty v folkloristike 1920-kh godov (Boris Matveevich Sokolov)' [Principles of Organisational and Collection Work in Folklore Studies of the 1920s (Boris Matveevich Sokolov)], Lipets R. S. (ed.), *Ocherki istorii russkoy etnografii, folkloristiki i antropologii* [Essays on the History of Russian Ethnography, Folklore Studies and Anthropology]. Moscow: Nauka, 1968, is. 4, pp. 122–135. (In Russian).
- Kozmin V. A., 'Uchebnik polevoy etnografii. Gl. II: Organizatsionnye osnovy polevoy etnografii' [Textbook of Field Ethnography. Ch. II: Orga-

- nisational Foundations of Field Ethnography], *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi*, 1994, is. 4, pp. 364–374. (In Russian).
- Loskutova M., ‘Uezdnye uchenye: samoorganizatsiya nauchnoy obshchestvennosti v rossiyskoy provintsii vo vtoroy polovine XIX — pervye desyatiletiya XX v.’ [Regional Scholars: The Self-Organisation of the Academic Community in Provincial Russia in the Second Half of the Nineteenth and First Decades of the Twentieth Century], *Ab Imperio*, 2009, no. 3, pp. 119–170. (In Russian).
- Loskutova M., “Nauka oblastnogo masshtaba”: ideya estestvennykh rayonov v rossiyskoy geografii i istoki kraevedcheskogo dvizheniya 1920-kh gg.’ [“Science of a Regional Scale”: The Idea of Natural Regions in Russian Geography and the Origins of the Local Studies Movement in the 1920s], *Ab Imperio*, 2011, no. 2, pp. 83–121. (In Russian).
- Polyanskaya E. M., “Korezhskie dvoryane” [“Korega River Nobility”], Bogdanov V. V., Tolstov S. P. (eds), *Kultura i byt naseleniya Tsentralno-Promyshlennoy oblasti (etnologicheskie issledovaniya i materialy)* [The Culture and Life of the Population of the Central Industrial Region (Ethnological Research and Materials)]. Moscow: Printing House at the 1st Moscow Institute for the Deaf and Dumb, 1929, pp. 127–131. (In Russian).
- Pyпин A. N., ‘O zadachakh russkoy etnografii’ [On the Tasks of Russian Ethnography], *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1885, vol. 21, pp. 480–500. (In Russian).
- Ratner-Sternberg S. A., ‘L. Ya. Shternberg i Leningradsкая etnograficheskaya shkola 1904–1927 (po lichnym vospominaniyam i arkhivnym dannym)’ [L. Ya. Sternberg and the Leningrad Ethnographic School in 1904–1927 (Based on Personal Memoirs and Archival Data)], *Sovetskaya etnografiya*, 1935, no. 2, pp. 134–154. (In Russian).
- Savoskul S. S., Makashina T. S., Rubtsova S. B., ‘S. E. Elkhovskiy i ego folklorno-etnograficheskoe sobranie’ [S. E. Elkhovskiy and His Folklore and Ethnographic Collection], Savoskul S. S. (ed.), *Pereslavskoe Zalesye: folklorno-etnograficheskoe sobranie S. E. Elkhovskogo* [Pereslavskoe Zalesye: Folklore and Ethnographic Collection of S. E. Elkhovskiy]. Moscow: Indrik, 2011, is. 1, pp. 15–66. (In Russian).
- Shangina I. I., Aksyanova G. A., ‘David Alekseevich Zolotarev — etnograf, antropolog, organizator nauki v Rossii nachala XX veka’ [David Alekseevich Zolotarev — Ethnographer, Anthropologist and Organizer of Science in Russia at the Beginning of 20th Century], Sirina A. A. (ed.), *Tri veka rossiyskoy etnografii: stranitsy istorii* [Three Centuries of Russian Ethnography: Pages of History]. Moscow: IEA RAS Press, 2017, pp. 221–244. (In Russian).
- Sirina A. A., ‘Orochi v polevykh dnevnikh B. A. Kuftina (po materialam tungusskoy ekspeditsii 1928–29 gg.)’ [The Oroch in the Field Diaries of Boris A. Kuftin (Based on the Materials of the Tungus Expedition of 1928–29)], Androsova S. V. (ed.), *Trudy tretyey mezhdunarodnoy mezhdistitsiplinarnoy Tungusskoy konferentsii “Sotsialnye vzaimodeystviya, yazyki i landshafty v Sibiri i v Kitae (evenki, eveny, orochony i drugie gruppy)”* [Proceedings of the 3rd International Tungus Conference “Social Interactions, Languages, Landscapes (Evenks, Evens, Orochen

- and Other Ethnoses)"]. Blagoveshchensk: Odeon, 2019, pp. 205–212. (In Russian).
- Sokolov Yu. M., 'Materialy po narodnoy slovesnosti v obshchem masshtabe kraevednykh rabot' [Materials on Folk Literature in the General Scope of Regional Studies Works], Bogdanov V. V. (ed.), *Voprosy kraevedeniya* [Questions of Regional Studies]: A collection of reports presented at the All-Russian conference of scientific societies on regional studies in Moscow in December 1921 convened by the Academic centre. Moscow: Nizhpoligraf, 1923, pp. 109–110. (In Russian).
- Star S. L., Griesemer J. R., 'Institutional Ecology, "Translations" and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907–39', *Social Studies of Science*, 1989, vol. 19, no. 3, pp. 387–420.
- Sternberg L. Ya., 'Sovremennaya etnologiya. Noveyshie uspekhi, nauchnye techeniya i metody' [Contemporary Ethnology. Latest Achievements, Scientific Currents and Methods], *Etnografiya*, 1926, no. 1–2, pp. 15–43. (In Russian).
- Teryukov A. V., 'Andrey Vladimirovich Zhuravskiy i ego kolleksiya po russkim staroobryadtsam v Muzee antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN' [Andrey Vladimirovich Zhuravsky and his Collection on the Russian Old Believers in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences], Bernstam T. A., Teryukov A. V. (eds), *Kolleksii otdela Evropy: Vystavochnye proekty. Katalogi. Issledovaniya* [Collections of the European Department: Exhibition Projects. Catalogues. Research]. St Petersburg: Nauka, 2008, pp. 88–108. (In Russian).
- Thornton R., 'The Foundation of African Studies: Wilhelm Bleek's African Linguistics and the First Ethnographers of Southern Africa', Deacon J., Skottnes P. (eds), *The Courage of Ikabbo: Celebrating the 100th Anniversary of the Publication of Specimens of Bushman Folklore*. Cape Town: University of Cape Town Press, 2014, pp. 99–117.
- Tokarev S. A., 'Sovetskaya etnografiya za 40 let' [Soviet Ethnography over 40 Years], *Vestnik istorii mirovoy kultury*, 1958, no. 2, pp. 78–98. (In Russian).
- Trompette P., Vinck D., 'Revisiting the Notion of Boundary Object', *Revue d'anthropologie des connaissances*, 2009, vol. 3, no. 1, pp. 3–25. doi: 10.3917/rac.006.0003.
- Vakhtin N., Lyarskaya E., 'Pisma iz polya: printsipy leningradskoy etnograficheskoy shkoly i sovetskaya realnost' [Letters from the Field: Principles of the Leningrad Ethnographic School and Soviet Reality], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2024, no. 190 (6), pp. 15–43. (In Russian).
- Verkhovtsev D., 'Zhenikhi etnografii: proekty novoy etnograficheskoy paradigmy v kontse 1920-kh gg.' [The Bridesmaids of Ethnography: Projects for a New Ethnographic Paradigm in the Late 1920s], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 67, pp. 59–92. (In Russian). doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-59-92.
- Zolotarev D. A., 'Voprosy izucheniya byta derevni SSSR' [Questions of the Study of Village Life in the USSR], *Etnografiya*, 1926, no. 1–2, pp. 45–53. (In Russian).

Zolotarev D. A., 'Obzor issledovatel'skikh rabot leningradskikh uchrezhdeniy po antropologii, paleoetnologii i etnografii za poslednie 10 let' [A Review of Research Work by Leningrad Institutions in Anthropology, Paleoethnology and Ethnography over the Past 10 Years], *Chelovek*, 1928, no. 2–4, pp. 246–260. (In Russian).